

шорпта

М.Ю.Кречетова, Г.А.Сатаров О ПОДМЕНЕ СЛОВ

Ключевые слова: языковая подмена, прогноз, авторитаризм, диктатура

¹ Уорф 1960.

Бенджамин Уорф начинает свою известную статью «Об отношении норм поведения и мышления к языку»¹ описанием случаев из жизни, с которыми он столкнулся, работая в обществе страхования от огня. Эти случаи показывают, как слова влияют на поведение людей, что нередко приводит к драматическим последствиям. В частности, если на складе висит надпись «Пустые бензиновые цистерны», то около них работники курят без опаски, поскольку слово «пустые» позволяет забыть о парах и каплях бензина, которые переполняют «пустые» цистерны и которых более чем достаточно для пожара.

Однако связь между поведением, мышлением и языком не однонаправлена, как в описанной Уорфом ситуации. Она, как известно, сложна и обоюдна. Равным образом мышление (включая представления людей) влияет на выбор слов. Способно повлиять на такой выбор и поведение; в частности, выбор слова может использоваться для снятия когнитивного диссонанса² в целях оправдания неких действий³. Вот пример: выбор между оборотами «расстрел парламента» и «обстрел парламента»⁴, с одной стороны, определяется политической позицией говорящего, а с другой стороны, задает (при доминировании того или иного из них) отношение общества к событиям осени 1993 г. в Москве.

Именно обоюдное влияние друг на друга слов, мышления и поведения создает почву для далеко идущих непреднамеренных последствий; они совместно формируют глубокие наклонные овраги, по которым против своей воли скатывается общество, будучи просто не в состоянии преодолеть упомянутую взаимосвязь. Происходящее сегодня в России — поучительный пример подобной тенденции. Попытка разобраться в ней — цель настоящей статьи. Но слово «попытка» здесь ключевое. Оно обозначает своего рода заявку на предварительный анализ проблемы, заслуживающей дальнейшего и более глубокого изучения.

² См. Фестингер 1999.

³ Помимо социальной психологии, в данном случае существуют и другие объяснительные схемы — в диапазоне от психоанализа до теорий идеологии.

⁴ Заимствовано у Александра Архангельского, использовавшего этот оборот в устной беседе.

Игры слов

Не будет большой натяжкой предположить, что сколько существует человеческий язык, столько ведется непрерывный поиск в сфере слов, понятий и смыслов. Бывает, что поиск приводит к появлению новых смыслов, а бывает, что смысловых подмен, целенаправленных или неосознанных. Мы не ставим перед собой непосильную задачу дать какой-либо их обзор, а приводим лишь несколько примеров из новейшей истории, проясняющих суть проблемы, которая нас занимает.

Ханна Арендт анализирует, пожалуй, один из самых радикальных случаев языковой подмены в XX в. Речь идет о языке нацистов, описывающем уничтожение евреев:

- термин «убить» замещается в этом языке термином «гарантировать милосердную смерть»;
- термин «умерщвление газом» замещается термином «медицинская процедура»;
- термины «массовое убийство», «ликвидация» или «физическое уничтожение евреев» заменяются терминами «окончательное решение», «принудительное переселение» и «специальная обработка».

Важным для нас обстоятельством здесь является происхождение этой терминологии. Арендт установила, что изначально «милосердная смерть» предназначалась для неизлечимо больных и умалишенных в самой Германии, то есть терминология использовалась в рамках гитлеровской «программы эвтаназии». Правда, несмотря на такое переименование, это «милосердное» решение не казалось обычным немцам столь уж милосердным, и люди протестовали против подобной гуманности. Но применение аналогичных методов к чужакам уже не вызвало у немецких граждан особого протеста. Терминология, дополненная и обновленная, была перенесена на описание задачи уничтожения евреев.

Эта подмена терминов и смыслов, превращавшихся в языковые нормы, выполняла, согласно Арендт, несколько функций:

- банальную политическую функцию обмана и сокрытия преступления. Так, в переписке с Ватиканом нельзя было называть вещи своими именами и нужно было прибегать к указанным «языковым нормам»;
- бюрократическую функцию предохранения и поддержания «порядка и нормального рассудка среди тех, кто трудился во множестве различных служб, задействованных на данном поприще»⁵;
- экзистенциальную функцию самообмана. Возможно, для наиболее циничных организаторов и исполнителей эта функция и была излишней. У других же «нейтральный» языковой ряд вполне успешно вытеснял и заслонял чудовищность, скажем, визуальных образов (при посещении лагерей смерти);
- семантическую функцию размывания «нормальных» значений слов. «Смысл такой языковой системы заключался не в том, чтобы исполнители не понимали, чем им следует заниматься, а в том, чтобы отучить их сравнивать “языковые нормы” с их прежним, “нормальным” пониманием того, что есть убийство и что есть ложь»⁶.

⁵ Арендт 2008: 139

⁶ Там же.

Необходимо зафиксировать и еще одно важное обстоятельство. Тот самообман, который лежал в основе языковых норм, распространялся не только на посвященных в замыслы вождя и партии, но и на обычных немцев. В частности, Арендт упоминает о некоей даме, которая летом 1944 г. приехала «подбодрить» баварских крестьян. В качестве средства утешения выступало следующее обещание: «В случае если

⁷ Там же: 166.

война окончится несчастливо, фюрер в великой милости своей подготовил для всех немцев легкую смерть путем отравления газом»⁷.

Языковая практика советской власти на всех этапах ее истории была не менее богата подменами: от ярлыка «враг народа», который присваивался противникам Сталина, и эвфемизма «десять лет без права переписки», прикрывавшего смертный приговор, до «вялотекущей шизофрении» во времена благолепного застоя, что позволяло применять методы карательной медицины к любому человеку, проявлявшему признаки нонконформизма. Эпоха Ельцина запомнилась подменой, заключавшейся в названии знаменитого Указа № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Путинский период снова обогатился разнообразными подменами, поскольку живо возродил индустрию официальной пропаганды. Эти подмены еще ждут своих исследователей, но одна из них заслуживает упоминания — «суверенная демократия». При планомерном попрании конституционного принципа суверенитета народа этот термин прикрывал нарастающий суверенитет бюрократии.

Источником новых терминов и новых смыслов обычно становятся интеллектуалы, генерирующие тексты, которые получают то или иное публичное хождение. В одном из предельных случаев новые термины и смыслы (или новые смыслы старых терминов) имеют сугубо прикладное значение и являются частью интеллектуального обслуживания власти. Но нередко они рождаются для того, чтобы обслуживать самих интеллектуалов (или часть вневластной и околотовластной элиты), либо даже переносятся в общество. Так, в начале «нулевых» годов приобрел популярность термин «неформальный общественный договор», который должен был обозначать согласие общества с нарастанием суверенитета бюрократии в обмен на относительное благополучие. Прилагательное «неформальный» прикрывало то обстоятельство, что никакого договора не было. Сама власть термин не приняла, поскольку какой-либо договор с обществом, даже неформальный, был ей органически чужд. Но для тех, кто употреблял его, апелляция к какому-то несуществующему договору служила обоснованием конформистского маневра во взаимоотношениях с властью, внедряя в общественное сознание миф о диалоге общества и правящих кругов. Проблема здесь, конечно, не в самом взаимодействии с властью, независимо от степени ее легальности и легитимности: оно возможно часто и в весьма широком диапазоне; в конце концов, бывают случаи, когда допустимы переговоры с террористами, обладающими властью над заложниками. Проблема в том, что в качестве инструмента обоснования использовалась терминологическая и смысловая подмена, которая создавала иллюзии, искажавшие картину мира и лицо власти. А эти иллюзии, будучи, казалось бы, всего лишь артефактами массового сознания, имели долгосрочные негативные практические последствия, которые, естественно, не входили в планы тех, кто прибегал к этим безобидным с виду подменам. Данный пример поучителен в том плане, что он никак не связан с намерением

совершать или покрывать некие преступления или неблагоприятные поступки. Негативные непреднамеренные последствия неприятны именно тем, что за ними часто не стоит злой умысел. Это задолго до Энтони Гидденса было осознано людьми, осмыслявшими опыт человеческого бытия, и обобщено в крылатом выражении: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Прогнозы

Способность прогнозировать — это то, что отличает homo sapiens от его соседей по филогенетическому дереву. Она — его видовое конкурентное преимущество. Эта способность подкрепляется, в частности, наличием разнообразных техник: от древних форм коммуникации с богами и предками при помощи внутренностей невинных животных до современных изощренных методов научного прогнозирования. Поскольку будущее дано нам только в наших представлениях о нем и поскольку, прогнозируя, мы оперируем словами, понятиями и смыслами, искажения слов, понятий и смыслов при прогнозировании лишают нас нашего конкурентного преимущества. Этим мотивируется наше обращение к теме прогнозирования в данной статье. Казалось бы, прогнозы существуют именно для того, чтобы влиять на наши представления о происходящем и на наши действия. Но пример, который мы хотим описать, показывает, как, находясь в паутине смысловых подмен, можно полностью проигнорировать ежедневно подтверждающийся прогноз.

В 2002 г. Фондом ИНДЕМ была разработана методика сценарного политического прогнозирования⁸, которая позднее стала основой для совместного проекта фондов «Либеральная миссия» и ИНДЕМ⁹. Обе упомянутые в ссылках работы дают достаточное представление о методике прогнозирования и основных результатах. Поэтому мы приведем только те сведения, которые непосредственно относятся к рассматриваемым здесь сюжетам.

До декабря 2011 г. мы практиковали среднесрочные прогнозы с горизонтом примерно один год или чуть меньше с пучком сценариев, представленных в *табл. 1*.

В соответствии с применявшейся методикой эксперты не оценивали шансы сценариев, что резко снижало влияние их отношения к сценариям (желательность — нежелательность) на результаты вычисления таких шансов по косвенным данным. Однако это отношение, тем не менее, весьма отчетливо проявлялось во время обсуждения результатов и прочих сопряженных с прогнозами тем. Обращало на себя внимание, в частности, амбивалентное отношение к сценарию «Вялая Россия» — хотя он наиболее опасен, поскольку вследствие своей «вялости» обладает очевидной демобилизующей силой, способен продолжаться довольно долго, а масштаб параллельно накапливающихся проблем может стать таким, что для перехода к каким-либо позитивным сценариям возникнут непреодолимые препятствия.

⁸ См. Благовещенский, Кречетова, Сатаров 2012а.

⁹ См. Благовещенский, Кречетова, Сатаров 2012б.

Таблица 1 Сценарии для среднесрочных прогнозов

<i>Название сценария</i>	<i>Описание сценария</i>
<i>Вялая Россия</i>	<i>(Инерционный сценарий)</i> Сохранение текущих тенденций неустойчивости, неопределенности и потенциальной возможности любых других сценариев. Реформы спорадические и часто имитационные, власть не консолидирована, слаба и неэффективна, население деморализовано. Сохраняется сырьевая ориентация экономики и олигархическое управление ею. Страна подгнивает.
<i>Диктатура развития</i>	<i>(Жесткая дирижистская модернизация)</i> Ужесточение режима силами группировки, которая берет на себя ответственность за «наведение порядка» в стране, «прекращение воровства и беззакония ради ускорения модернизации». Своего рода пиночетовский вариант при сохранении слабости многих институтов, а значит — и высокой коррупции.
<i>Охранная диктатура</i>	Резкое ужесточение режима ради сохранения власти правящей группировки или какой-либо ее части, побеждающей своих конкурентов. В сфере модернизации продолжается имитация вместе с воровством.
<i>Революция</i>	<i>(Кризисный сценарий)</i> Резкий слом инерционности. Кризис власти. Нелегитимная или квазилегитимная смена режима с опорой на уличную активность больших групп населения. Критическая нестабильность, угроза целостности государства.
<i>Smart Russia</i>	<i>(Институциональная модернизация)</i> Движение к модернизации по западному сценарию, восстановление нормальной политической конкуренции, повышение эффективности правовых институтов и т.п. Сближение с Западом, создание условий для развития конкуренции и защиты инвестиций.

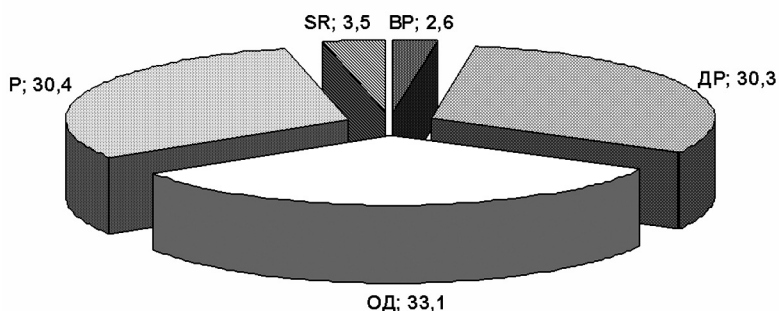
Будучи инерционным сценарием, «Вялая Россия» погружается экспертами в семантическую сеть, в которой работает стандартная инерционная прогнозная логика: «завтра наиболее вероятно то, что было вчера». Но «вчера» уже прожито, преодолено, а потому — безопасно. Эта безопасность прошлого фактически переносится на безопас-

ность будущего при переживании всего, что связано с инерционными сценариями. Они, эти сценарии, исключают скачки, разрывы и все прочее, что чревато неприятными или драматическими сюрпризами. Поэтому эксперты, даже вполне адекватно осознавая сохранение, в силу инерции, негативных тенденций, вырабатывают амбивалентное отношение к сценарию «Вялая Россия». Любопытно, что в разговорах (за пределами экспертных процедур) у экспертов нередко проскальзывал личный априорный прогноз: самые высокие шансы будут у сценария «Вялая Россия». Что касается рефлексии сохранения негативных тенденций, то, во-первых, традиционная числовая интуиция не в состоянии интегрировать эффекты накопления сохраняющихся тенденций. Этот дефект нашей интуиции использован в известной математической притче о мудреце, который скромно попросил повелителя, предложившего ему любую награду за изобретение шахмат, некоторое количество зерен: одно за первую клетку доски, два — за вторую, четыре за третью, восемь за четвертую и т.д. В итоге в амбарах повелителя не хватило пшеницы, чтобы выплатить обещанную награду. Во-вторых, инерционный сценарий не предусматривает каких-либо катаклизмов, скачков в имеющихся тенденциях.

Иное дело — сценарий «Охранная диктатура». В силу традиционных коннотаций («кровавая диктатура» и т.п.) этот сценарий рассматривался подсознательно как наименее желательный и по этой причине был отнесен к числу маловероятных. Поэтому результаты вычисления шансов сценариев в разгар экономического кризиса осенью 2009 г., когда наибольшие шансы получила именно «Охранная диктатура» (см. рис. 1), вызвали шок. Но еще большим шоком оказалось то обстоятельство, что второе место (с небольшим отрывом) занял сценарий «Революция», который всегда воспринимался как исчезающе маловероятный¹⁰.

¹⁰ Сведения об экспертных оценках, которые привели к указанным результатам, см. Благовещенский, Кречетова, Сатаров 2012а.

Рисунок 1 Шансы сценариев по результатам сценарного прогноза в 2009 г.

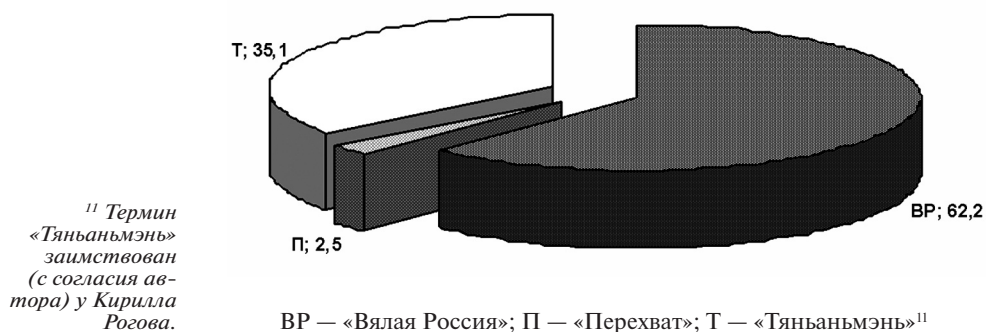

BP — «Вялая Россия»; ДР — «Диктатура развития»;
ОД — «Охранная диктатура»; SR — «Smart Russia»

В декабре 2011 г., когда политическая жизнь в Москве стремительно ускорилась, партнерами по прогнозному проекту было принято решение перейти к краткосрочному (оперативному) прогнозированию. Для этого был разработан новый набор сценариев, представленный в *табл. 2* (см. с. 30).

Было осуществлено три краткосрочных прогноза — в январе, феврале и марте 2012 г. Шансы сценариев для последнего прогноза отражены на *рис. 2*.

Рисунок 2 Шансы сценариев по результатам краткосрочного сценарного прогноза в марте 2012 г.

Как видно из *рис. 2*, почти все шансы делят между собой два сценария: чуть меньше двух третей приходится на «Вялую Россию» и чуть больше трети — на «Тяньаньмэнь». Семантика последнего сценария для экспертов определялась прежде всего описанием, приведенным в *табл. 2*, в котором делался упор на усилении репрессий, а не на их методах (вроде танков на площади, заполненной людьми), что и позволило им согласиться с таким его названием. Однако существенны и собственные коннотации слова «Тяньаньмэнь». А это не только резкое усиление репрессий (как и в сценарии), но и их нарочитая демонстративность, призванная создавать воспитательный эффект, а также апатия большей части общества, равнодушно взирающей на их применение.

Наша методика сценарного прогнозирования позволяет сопоставлять (с помощью соответствующих экспертных процедур) наборы сценариев для среднесрочного и краткосрочного прогнозирования. Такое сопоставление показывает, что сценарии с одинаковым названием — «Вялая Россия» — в наборах для среднесрочного и краткосрочного прогнозирования тесно взаимосвязаны. То же самое относится и к паре сценариев «Охранная диктатура» (среднесрочный набор) и «Тяньаньмэнь». Отсюда следует, что последний краткосрочный прогноз,

Таблица 2 Сценарии для краткосрочных прогнозов

<i>Название сценария</i>	<i>Описание сценария</i>
<i>Вялая Россия</i>	Режим имитирует отдельные уступки и готовность к диалогу с оппозицией. Протестное движение не может организовать и выразить свои требования и в результате затухает. Нарушения на президентских выборах не носят эпатирующего характера; итоги этих выборов не порождают новой волны протеста. Несмотря на отдельные конфликты и протестные всплески, режим сохраняется, Путин удерживает власть.
<i>Перехват</i>	В течение избирательной кампании, между турами и сразу после выборов режим осуществляет ряд шагов, призванных частично удовлетворить протестующих, и приглушает протестную волну. Принимается несколько законов и кадровых решений, способствующих решению этой задачи. Режиму удается перехватить инициативу и удержать власть.
<i>Диалог</i>	В условиях нарастания протеста и его организационного оформления, заключающегося в появлении признанного ядра, способного выдвинуть единые требования к власти, режим идет на диалог с представителями протестующих. Разрабатывается и утверждается программа быстрой и последовательной либерализации политической системы, которая должна быть реализована в течение 2—3 лет.
<i>Тяньань-мэнь</i>	Режим идет на жесткие меры по пресечению протеста, включающие в себя массированное применение силы при разгоне протестных выступлений и репрессии по отношению как к лидерам оппозиции, так и к большому числу рядовых участников акций протеста.
<i>Политический хаос</i>	В условиях нарастания и организационного оформления протеста режим продолжает игнорировать происходящие общественные изменения. Выборы проводятся с грубыми нарушениями, уличные протесты получают поддержку со стороны ряда прежде лояльных элитных групп. Это приводит к резкой дестабилизации политической ситуации, ставящей под вопрос возможность дальнейшего существования режима.

отраженный на *рис. 2*, в среднесрочной перспективе должен переходить в сходный набор, в котором доминируют та же «Вялая Россия» и «Охранная диктатура».

Все сказанное дает основания утверждать, что прогноз, приведенный на *рис. 2*, оправдался с прискорбной полнотой. В действиях власти после президентских выборов 2012 г. явным образом оказались представлены все компоненты сценария «Тяньаньмэнь»: немотивированное, масштабное и демонстративное применение силы при разгоне законной протестной акции 6 мая 2012 г.; массовые преследования оппозиционеров и их сторонников со столь же массовыми и демонстративными нарушениями законов. Начались репрессии против представителей оппозиции. Началась прямая антиконституционная и противозаконная атака на общественные организации по всей стране. Естественно, наличествуют и признаки среднесрочного сценария «Охранная диктатура»: не снижается коррупция, официальная политика подменяется ее имитацией, а хрупкий баланс группировок, из которых состояла правящая коалиция, явственно сместился в сторону группировки, контролирующей институты принуждения.

Довольно быстро после нашего последнего прогноза отчетливо проявились и признаки краткосрочного сценария «Вялая Россия». Сейчас можно констатировать, что нарастают и становятся все более выраженными признаки одноименного среднесрочного сценария: сохранение сырьевой ориентации экономики при олигархическом управлении ею; имитационный характер любых попыток улучшить работу государственных институтов; неэффективность и неконсолидированность власти как субъекта принятия важных для страны решений.

В описаниях использованной нами методики сценарного прогнозирования отмечается, что шансы, приписываемые сценариям, могут рассматриваться как пропорции смеси, в которой «чистые» сценарии реализуются в жизни¹². Тогда последний прогноз можно трактовать как смесь, в которой примерно две трети занимает цель в виде сохранения status quo (суть инерционного сценария) и примерно одну треть — средство ее достижения (репрессии, составляющие суть сценария «Тяньаньмэнь», переходящего в сценарий «Охранная диктатура»). Именно так указанное соотношение воспринималось экспертами в марте 2012 г., непосредственно перед днем выборов¹³.

¹² См. Благовещенский, Кречетова, Сатаров 2012а, 2012б.

¹³ Поскольку нам пока не удалось провести очередное среднесрочное прогнозирование, мы можем только строить предположения о возможном его результате. Согласно этим предположениям, соотношение между двумя конкурирующими сценариями должно было сместиться в сторону «Охранной диктатуры».

Прогнозы, слова и жизнь

Любопытно, что мартовский прогноз 2012 г. был, пожалуй, самым точным за всю десятилетнюю историю применения метода сценарного прогнозирования, разработанного Фондом ИНДЕМ. Его точность конкурировала только с его бездейственностью. Попробуем дать объяснение этому феномену. Но для этого нам снова вернуться к словам, терминам и смыслам.

С начала «нулевых» годов среди интеллектуалов шла непрерывная дискуссия об определении режима, формировавшегося при

Путине. Ее отличало снижение обычного уровня прямого противостояния и взаимных упреков — того, что свойственно в России дискуссиям явно политического толка. Возможная причина противоречия между постоянством и повсеместностью дискуссии, с одной стороны, и ее умеренностью, с другой, — подсознательная убежденность в деликатности, интимной чувствительности проблемы вкупе с верой в силу определения. Эта вера имела под собой веские основания. Ведь выбор между «диктатурой» и «авторитаризмом», а именно по поводу этих двух терминов велись основные споры, был выбором не просто между двумя денотативными обозначениями, но между двумя семантическими полями важнейших коннотаций. Так, существует оборот «кровавая диктатура», однако он немыслим при замене слова «диктатура» словом «авторитаризм». Аналогичным образом привычно понятие «фашистская диктатура», но никому не придет в голову употреблять словосочетание «фашистский авторитаризм».

Примечательно, что коннотации понятия «диктатура» осознавались и профилактически использовались представителями путинского режима до того, как появились первые примеры употребления его применительно к новой власти. В ходе дискуссий адепты режима практиковали следующий прием. В ответ на критику они с легкой иронической улыбкой произносили: «Ну вы еще назовите нас “кровавой диктатурой”!». Поскольку тогда прилагательное «кровавая» воспринималось как явное преувеличение, его отторжение распространялось и на «диктатуру». Это никак не соотносится с аристотелевской логикой, но полностью соответствует логике семантических полей. С 2006 г. практика обращения к этому приему сошла на нет.

Термин «авторитаризм» никогда не вызывал ответной критики. Тут, видимо, работала бытовая этимология, навевающая ассоциации со словом «автор», что свидетельствует в пользу режима персональной власти, в то время как слово «диктатура» к этому не обязывает — во всяком случае с тех пор, как Карл Маркс ввел понятие «диктатура пролетариата».

Еще больше проблем возникает при попытке строго подойти к сопоставлению двух конкурирующих терминов. Выясняется, в частности, что слово «диктатор» придумали древние римляне времен республики для обозначения «должности, введенной после изгнания царей для того, чтобы в дни опасности имелась сильная верховная власть, которая, в отличие от чиновной власти консулов, не ущемлялась бы ни коллегиальностью, ни правом вето народных трибунов, ни апелляцией к народу»¹⁴. Диктатор назначался на шесть месяцев, причем его полномочия часто заканчивались досрочно, что само по себе могло бы служить аргументом против использования данного понятия по отношению к путинскому режиму. Но это всего лишь подтверждение того, что термин «диктатура», как, впрочем, и другие подобные термины, в своих приложениях к конкретным ситуациям обусловлен множеством обстоятельств — исторических, географических, культурных, чисто случайных, связанных,

¹⁴ Шмитт 2005: 19.

к примеру, с его первым применением к некоему политическому режиму. Все это до сих пор затрудняет определение термина в научном дискурсе, что уж говорить о публичных дискуссиях. Не случайно многие современные классификации политических режимов попросту избегают термина «диктатура».

Не с меньшими проблемами мы сталкиваемся и переходя к конкуренту «диктатуры». Термин «авторитаризм» введен в широкий оборот после Второй мировой войны трудами Франкфуртской школы. Причем акцент в этих трудах делался не на характере политического режима, а прежде всего на чертах личности, превращающих ее в подходящий материал для выстраивания авторитарной системы¹⁵. В более поздней критической литературе это будет названо психологией «потенциального фашиста». Как ни парадоксально, формулируя понятие «авторитаризм», Теодор Адорно изначально исходил из исторического опыта тоталитарных режимов, основу которых составляют «атомизированные, изолированные индивиды», от которых требуется «тотальная, неограниченная, безусловная и неизменная преданность вождю»¹⁶. Если таким аккуратным и обоснованным образом трактовать авторитаризм в обсуждаемых нами спорах, то путинские пропагандисты должны были бы как черт ладана бояться подобной квалификации и драться за звание диктатуры.

¹⁵ Адорно 2001.

¹⁶ Арндт 1992:
24—31.

Интересно, что перечисленные затруднения, как и аналогичные им, но не затронутые в данной статье, достаточно четко выявляются при сколько-нибудь строгом научном анализе. Однако они обычно не упоминаются в многочисленных публичных спорах об определении путинского режима. Эти споры — дискурсивная часть политического противостояния, которое относится к публичной сфере, а не к сфере науки. Вовлеченные в них интеллектуалы рефлексии прежде всего общественно значимые коннотации конкурирующих понятий. Каково же здесь место научного дискурса? Во-первых, в той мере, в какой в дискуссию, преследующую публичные, в том числе политические, цели, вовлекаются научные аргументы, доминирование рефлексии публичных коннотаций искажающим образом влияет на отбор научных «аргументов и фактов», что в общем случае обесценивает научную аргументацию, а в предельном — превращает научный компонент дискуссии в имитацию. Во-вторых, участвующие в дискуссии эксперты опасаются произвести впечатление неполиткорректных или, что еще хуже, профессионально несостоятельных именно на основании публичных (и, как правило, не имеющих к науке никакого отношения) коннотаций обсуждаемых терминов. А экспертам, занятым не только наукой, но и публичной деятельностью, их публичная репутация может быть не менее дорога, нежели научная.

Подобное смешение публичного и научного дискурсов мало отражается на первом (он всегда мощнее в силу массовости и укорененности в массе), но обесценивает второй. Причем обесценивание происходит и в сознании экспертов, вовлеченных в дискуссии или испытывающих

влияние таковых. Однако обесценивание научного смысла термина, фигурирующего в дискуссии, «заражает» и его научные коннотации, включая представления о связях с будущим, что выражается в представлениях о последствиях. Естественно, что это обесценивание продолжает сказываться и тогда, когда эксперт возвращается к научной деятельности, особенно если та сопряжена со сферой публичной дискуссии и объектом изучения является, к примеру, политика. Более того, сама научная деятельность (в частности, конструирование политических прогнозов) погружается в публичное пространство той же дискуссии и обесценивается вместе с терминами.

На наш взгляд, зафиксированное выше отношение экспертов к прогнозу может быть обусловлено описанным эффектом обесценивания научных смыслов в процессе разнообразных подмен. Этот тезис рассматривается нами как гипотеза, которую мы намерены проверять, и публикация данной статьи является частью такой проверки. Вместе с тем мы допускаем, конечно, и возможность иных объяснений.

Заключение

¹⁷ Барт 1994: 529.

¹⁸ Там же.

В завершение мы хотели бы воспользоваться предлагаемым Роланом Бартом разделением социолектов на провластный (энкратический) и невластный (акратический)¹⁷. В нашей статье приводятся примеры подмен, практиковавшихся властью. И здесь обнаруживаются явные пересечения с тем, что описывает Барт (вроде «переворачивания с ног на голову»¹⁸). Однако нам кажется малопродуктивным сосредоточиваться на этом, ведь здесь мы фактически попадаем в сферу многочисленных исследований пропаганды и манипуляций, к которым традиционно прибегает власть.

Но мы приводим также примеры подмен из акратического дискурса — обсуждение «общественного договора» или специфическое и смещенное восприятие названий сценариев «Вялая Россия», «Тяньаньмэнь» и «Охранная диктатура». Понимание подмен в акратическом дискурсе несопоставимо ниже, а значимость их последствий может быть даже существеннее — например, в силу того, что в переходных обществах, к которым принадлежит и Россия, общественные процессы часто гораздо более инерционны, нежели процессы политические. Суть проблемы, которую мы пытаемся сформулировать, заключается в том, что, не рефлексируя подмен, происходящих в результате игр вокруг слов, понятий и смыслов, и не осознавая их следствий, мы рискуем оказаться в положении рабочих, курящих около цистерн, обозначенных как «пустые». Мы подозреваем, что проблема эта нетривиальна с научной точки зрения и важна практически, а потому заслуживает не только обсуждения, но и разработки программы по ее разрешению.

Библиография

- Адорно** Т. 2001. *Исследование авторитарной личности*. — М.
- Арендт** Х. 1992. Массы и тоталитаризм // *Вопросы социологии*. № 2.
- Арендт** Х. 2008. *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. — М.
- Барт** Р. 1994. Разделение языков // Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. — М.
- Благовещенский** Ю.Н., Кречетова М.Ю., Сатаров Г.А. 2012а. Экспертно-статистический байесовский подход к политическому прогнозированию // *Полис*. № 4.
- Благовещенский** Ю.Н., Кречетова М.Ю., Сатаров Г.А. 2012б. *Сценарное прогнозирование политической ситуации в России — 2012*. — М.
- Уорф** Б.Л. 1960. Об отношении норм поведения и мышления к языку // *Новое в лингвистике*. Вып. 1. — М. (http://sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=72&Itemid=61).
- Фестингер** Л. 1999. *Теория когнитивного диссонанса*. — СПб.
- Шмитт** К. 2005. *Диктатура*. — СПб.